

КОШКА

Летом 2014 г. мы с женой снимали дачу в Храпуново, небольшом поселке под Москвой. Ехать до снятой дачи и впрямь было очень недолго, и в нашем распоряжении был вполне обжитой трехкомнатный двухэтажный деревянный дом с отдельно стоящей кухней, недалеко располагался видный с горьковского шоссе, а потому и весьма обсиженный, но все же прудик. Совсем рядом с участком был вход в дачное товарищество, у входа по своему только ему известному расписанию иногда появлялся охранник, и стоял торговый вагончик, продуктовое содержимое которого позволяло вполне пристойно существовать. В предстоящие месяцы я планировал завершить написание монографии, моему маленькому внуку должен был исполниться год (что предполагалось отметить здесь же на природе), – так что общий жизненный фон настраивал на оптимистично-отпускное настроение, а наличие над умывальником электронагревателя, допускающего роскошь мытья посуды теплой водой, придавало уверенности в завтрашнем дне, несмотря на тревожный характер перемен в Отечестве.

Спустя три-четыре дня после приезда я отоварился продуктами в полюбившемся вагончике. Выйдя из него, поздоровался с сидевшим на завалинке около своей будки охранником, который, не отводя взгляда от неизвестной мне точки, молча ответил мне кивком. Я посмотрел в направлении застывшего взгляда охранника и заметил в десяти шагах от него небольшую гладко-черную кошку, которая примостилась около литровой кастрюльки, старательно вылизывая ее стенки. Кастрюля лежала на боку и, все время норовила отъехать от животного, когда это происходило, то на какое-то мгновение на кошачьей груди открывался маленький белый треугольник, точь-в-точь воспроизводя декольте женщины в черном бархатном платье. Однако во всем остальном кошка отнюдь не выглядела нарядной: очень худая, с остатками колючек репейника в короткой шерсти и резкими угловатыми движениями, она производила какое-то странное впечатление. Только когда она остановилась, облизнулась, а потом снова сделала несколько шагов вслед за отъехавшей жестяной посудиною, я понял, в чем дело: вместо полноценной задней правой лапы от бедра свисало то, что от нее осталось, а два сустава из привычных трех напрочь отсутствовали.

Зрелище оказалось столь неожиданным и тяжелым, что я выпалил: «Ой, бедняга!». «Да нет, ей еще повезло», – неожиданно возразил мне все тот же охранник, продолжавший наблюдать ту же сценку. «Что так?» – удивился я. «Да Вы бы ее две недели назад видели, совсем доходила, подыхала кошка, у нее уж гангрена начиналась, да слава Богу, тут один из отдыхающих – то ли ветврач, то ли хирург, так он взял и отрезал ногу-то. Вот теперь уж на поправку идет». «А отчего гангрена-то?», – удивился я. «Да кто ж ее знает», – заключил охранник, имея в виду то ли кошку, то ли гангрену. Но в данном случае получалось, что это одно и то же. Я попытался направить разговор по другому пути: «А что она там вылизывает в кастрюльке?». «Так известное дело – чего от меня осталось, то и вылизывает. Ей вон каша геркулесовая – плохо ли? Иной день вообще ничего не получает». Разговор явно подходил к концу. Что было делать? Я отломил кусок только что купленной вареной колбасы и бросил хромоножке. Когда она жадно набросилась на еду, охранник пробурчал: «Богато живешь...».

Я сделал несколько шагов по направлению к дому и еще раз выложил на дорогу кусок колбасы – тот же результат. Потом еще раз и еще раз – хромоножка никак не могла насытиться. Так, используя изрядную порцию колбасы, мы подошли к дому, и моя новая знакомая узнала, где мы живем и, разумеется, начала к нам хаживать. Жена, будучи человеком сердобольным, не возражала против ее посещений, которые, хотя и были регулярными, к моему удивлению, происходили не каждый день, а раз в два-три дня. Скоро я как-то привык к трехногой твари женского пола, которую мы с женой между

собой почему-то называли Фросей. Я привык кормить ее иногда нашей пищей, а иногда – оставшимся у хозяина Бог вест от кого сухим кошачьим кормом, привык к ее черным с вишневою глазами, к их выражению, одновременно заискивающему и заигрывающему, когда она трется около ног в ожидании кормления, и несколько надменному и абсолютно независимому, как только пища съедена, выражению, ясно говорящему: «Ххха-а, попробовал бы ты меня не покормить!». Отметил я также и то, что единственная задняя, левая, нога чуть сдвинута вправо, к центру по отношению к нормальному ее положению, видимо, для того, чтобы лучше держать равновесие, и надо сказать, что передвигалась гордая Фрося, учитывая столь тяжелую травму, превосходно, лишь слегка припадая на несуществующую конечность.

Кошка явно хорошела. Ее черная шкурка приобрела блеск, она пополнила, во взгляде появилась плотоядная уверенность. Однажды я увидел ее у кустов черной смородины и пошел с ней поздороваться, как вдруг от нее в кусты что-то прыснуло, что-то серо-белое, раза в полтора крупнее самой Фроси. Я не успел сообразить, что это, а она, не поведя глазом, мурлыча направилось ко мне. «Наверное другая кошка», – подумал я, но ошибся. Это был кот. Я увидел его позднее, через неделю, и этого было достаточно чтобы возненавидеть его. В коте, собственно говоря, не было ничего привлекающего или отталкивающего, кроме огромной головы и отвратительной ухмылки во всю рожу всей этой огромной головы. Кот прижался к земле, напряженно разглядывая меня, готовый к прыжку в любой момент и в любую сторону. Я могу поклясться, что это была не улыбка, не усмешка, а именно нахальная ухмылка, и казалось, что его огромная башка была посажена на мутно-серое тело именно для того, чтобы вместить эту разухабисто хамскую ухмылку.

Впрочем, я видел его всего один раз. Чем занималась Фрося целыми неделями, я не имел ни малейшего понятия, но она продолжала появляться, мы кормили ее и радовались ее преображению. Так проходила неделя за неделей, пока однажды жена, взглядевшись в нашу раздобревшую Багиру, задумчиво не сказала: «Сережа, мне кажется, что Фрося беременна». «Не может быть!» – неожиданно для самого себя выкрикнул я. Я заорал так, как будто все кошки дали обет если не безбрачия, то хотя бы бесплодия, и на протяжении всей истории человечества свято исполняли его. «Как знаешь, – спокойно отреагировала жена, – но имей в виду, что беременную надо кормить больше, а с котятами – и подавно». Я замер. Моему негодованию не было конца: мордатый проходимец с мутным прошлым, развратным настоящим и, не сомневаюсь, отвратительным будущим, теперь-то я знаю, чему ты ухмылялся! Я вот и подумать не мог, что искалеченная Божья тварь может хотя бы попытаться дать потомство, а ты, скотина безродная, туда же...

События между тем развивались своим чередом. Фрося очевидно толстела, приходила так же регулярно и так же гордо удалялась. А потом она исчезла, как сквозь землю провалилась. Дачные дни поскучнели, но кошка не появлялась. «Ну, что ж, – говорил я себе, в конце концов в Москве меня ждет собственный кот, а на кошку я не подписывался, да и хозяйский корм для нее как раз кончился. Все к лучшему». В один пасмурный день мне понадобилось что-то из садового инвентаря, и я занялся его поисками в саду. Сзади дома, хорошо скрываемая ветками малины, на земле лежала какая-то картонная коробка. Я заглянул в нее и ахнул – в коробке, тесно прижавшись друг к другу, мирно спали три маленьких кошачьих существа – два черных и один серо-белый – неплохо обустроенные в своем жилище. Мне оставалось только показать находку жене и подумать о корме...

Очень некстати выяснилось, что в заветном вагончике еды для животных не бывает, а ближайшее место, где его можно приобрести, слава Богу не в Москве, а несколько дальше по железной дороге от Москвы в местечке с промышленным названием Электроугли. «Ну ладно, Электроугли так Электроугли», – с тоской подумал я, уточнив расписание поездов и узнав о приблизительном расположении магазина, где мог бы продаваться кошачий корм, отправился в дорогу.

Магазин обнаружился почти сразу, и войдя, я увидел скучающую молодую продавщица, которая небрежно зацепила меня все подмечающим взглядом, профессионально быстро оценила покупателя, с которым ни в каком отношении ловить ничего не приходится, но все же вполне миролюбиво спросила «Вам помочь?». Я сообщил ей о задаче приобретения корма для кошки. «Кошка молодая, старая?», – участливо поинтересовалась продавщица. «Да, кто ее знает», – ответил я максимально равнодушно и не без раздражения добавил: «Видно не совсем старая, раз на днях котят родила». Выщипанные брови продавщицы поползли вверх. «Сколько?» – выдохнула она и, заинтригованная, посмотрела мне прямо в глаза. Мы разговорились, и я рассказал ей историю Фроси, напирая на несправедливое устройство мира, в котором я, из жалости приютив маленькое покалеченное существо, не только не получил благодарности, но еще и оказался перед необходимостью содержать новых нахлебников в лице ее же мордатого фаворита и не без его помощи приобретенных новорожденных родственников. «А что Вы хотите, с женщинами всегда так», – пожав плечами, философски заметила моя новая знакомая, и мне показалось, что она хорошо знает, о чем говорит. Она подвела меня к неожиданно богатой для подмосковного поселка полке с разнообразными кормами для кошек, – молодых и старых, больных и здоровых, для пушистых и совсем без шерсти. Не рассчитав веса сухого корма, я купил оказавшийся немаленьким бумажный пакет с целым килограммом каких-то разноцветных сухих маленьких плоских, распрощался с моей советчицей и отправился в обратный путь, обнаружив, что стал накрапывать реденький дождик. Впрочем настроение у меня после покупки стало лучше – появилось чувство выполненного долга, хотя и не по моей инициативе возникшего, но все же...

Дождь не на шутку разошелся, когда я, вышел из вагона поезда, и, оберегая от размокания драгоценную покупку, направился к дому. Добравшись до дачи, скинув мокрую одежду, переодевшись, я подумал, что потерял полдня и теперь хорошо бы интенсивно поработать – четвертая глава монографии ждала меня во всей своей первозданной ненаписанности, и полный честолюбивых намерений, я поднялся на второй этаж, к любимому рабочему месту с видом на ветви отцветшей и все же прекрасной сирени. После первых же строчек странный слабый шорох и шуршание привлекли мое внимание. Поначалу я не придавал им никакого значения, но потом, когда они стал повторяться, я ими заинтересовался, так как было не понятно, звуки идут снаружи, из сада, или изнутри, из дома, или даже из той комнаты, в которой я, собственно говоря, и творил. Мне уже приходилось слышать при открытом окне жизнь вне дачного дома: то легкое воробьиное перепархивание с ветки на ветку, то трение и потрескивание сучьев ближайших лип друг о друга, то еще что-то, и я распахнул окно, чтобы узнать, а что сейчас... Дождь практически прекратился, мокрые листья дышали дождевой свежестью, но никого и ничего, что могло бы объяснить нарушение тишины, не было видно. Подождав, пока шорох повторится, я оглянулся и понял, что шумок идет из дома. В углу дорогой мне мансарды стоял широченный, массивный потрепанный диван, который в силу своих габаритов и расположения у стены подвинуть было весьма проблематично. «А, мыши...», – возникла, наконец у меня догадка, и чтобы проверить предположение и прогнать незваных тварей из-под дивана я стал искать палку. Она всё как-то не находилась, пришлось спуститься вниз, выйти во двор, где тут же бросилась в глаза суковатая палка полутораметровой длины. Я ее поднял и уже было выпрямился, уже было повернулся к ступенькам дома и перенес тяжесть тела на левую ногу, чтобы сделать первый шаг, как внезапно открывшаяся картина заставила меня остолбенеть. Идя и глядя прямо на меня, сияя своей афроамериканской красотой и белой грудкой, прихрамывая, шла Фрося. Она шла не одна: у нее в зубах, слабо попискивая, висел серо-черный комочек, почему-то также с белой грудкой, нежно, но твердо прихваченный фроськиными зубами. Жуткое озарение сверкнуло у меня в голове, – ну, уж нет! Я рванул к дому, чтобы защитить свое жилище, но было поздно. Эта бестия разгадала мой маневр и опередила мои действия. Говоря спортивным языком, она была более мотивирована: я просто решал житейскую

задачу, у нее же в зубах была было будущее живого существа и ее, Фроси, продолжение. В три прыжка оказавшись у порога дома, преследуемая мной колченогая животина влетела в дом. Но у меня еще был шанс: лестница, ведущая на второй этаж была крутой и имела три поворота под прямым углом. Следующие секунды сохранились в моей памяти на всю жизнь. Да, да, именно так: немолодой, но и еще не совсем старый рассвирепевший мужик в узком пространстве крутой лестницы, между стеной, завешенной какими-то платьями, пальто, халатами и шатающимися лестничными перилами, преодолевая заносы на поворотах, яростно преследует и гонит вверх иссиня черное трехногое грациозное существо, держащее в зубах подобное себе, но во всем беспомощное создание! Преодолев, наконец, подъём и влетев в комнату, я должен был признать свое поражение: из-под дивана отчетливо доносилось не обещающее ничего хорошего шипение опередившей меня в квартирном спринте Фроси. Как только я осторожно заглянул под диван, мои наихудшие опасения подтвердились – прикрытые телом на всё готовой матери там, в укрытии от дождя, в тепле и полной безопасности, шевелились три крошечных котенка...

Дальнейшее я практически не помню. Не помню, куда и как были размещены три новоявленных жильца, остались ли они на трех квадратных диванных метрах под крышей подмосковного дома, завоеванных их заботливой, смышленной и расторопной матерью, или же картонная коробка была торжественно перенесена на прежнее место, будучи утепленной кусками давно не нужной шерстяной или полотняной рухляди. Не ведаю, как поступил в преддверие зимы с этим неожиданно возникшем семейством положительный и рассудительный мужчина-риелтор, у которого мы снимали дачу.

Любопытно другое. Среди многих событий тех летних месяцев – окончание работы над монографией, посещение друзей в расположенном по тому же курскому направлению дачном поселке Купавна, прекрасно организованный моей женой и дочерью первый день рождения внука в том же августе, да и многое другое – но именно этот эпизод моей жизни рядом с инвалидной, но не сдавшейся, сияющей чернотой брюнеткой остался в памяти ярче всех других. Сейчас, спустя годы, я готов принять наглую правоту моей героини и, глядя в ее прекрасные вишнево-черные глаза, откровенно признаться: «Ты была во всем права, и я любил тебя, Фрося!».

Июнь 2020